

18+

павел банников
утро понедельника

Павел Банников
Утро понедельника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41611220

ISBN 9785449643650

Аннотация

Утро понедельника – вторая книга казахстанского русского поэта Павла Банникова, вышедшая в Алматы в 2014 г. Переиздание в системе Ridero – 2019 г.

Содержание

5/1	5
1	5
2	5
3	6
«четвёртый день поста: водка только в чистом виде...»	7
«имена стираются...»	8
«мама я болен...»	9
4/2	10
Маленькое яблоко (письмо)	10
Цусима	12
Заговор против дулейля (черновик революционной песни)	14
Китайская демократия	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Утро понедельника

Павел Банников

Редактор и составитель Равиль Айткалиев

Редактор Светлана Захаренкова

Редактор Дмитрий Кузьмин

© Павел Банников, 2019

ISBN 978-5-4496-4365-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

5/1

1

был ч-к некий
что построил дом и оградой его обнёс
непроницаемой взгляду и звуку
забыл, что если сказано было однажды
заутра услышии глас мой, заутра предстану Ти,
и узриши мя
то и отвечено будет однажды
заутра услышии глас мой, заутра предстану ти,
и узриши мя

2

яко начатки дня нашъ
насадителю предрассветных видений
мир приносит Ти молитвы

и хуления, и всяческое рассветное
бормотание бранное и прочие инвективы

3

се – дворник —
хозяин сна моего
ночного
сторож беспокойства моего
дневного
непредсказуемый укротитель
осенних листьев

«четвёртый день поста: водка ТОЛЬКО В ЧИСТОМ ВИДЕ...»

четвёртый день поста: водка только в чистом виде
сыр и вино неуместны и тут же оказываются
«за бортом»

он говорит: у нас контракт хороший
говорит: контракт надолго – спасибо небу и продюсеру
ребята рады – говорит

(он говорит и ему тяжело
называть её юлией —
не женой)

справа ветер щекочет вязы
и холодит мокрое
пятно на рубашке

«имена стираются...»

имена стираются
остаются лица...
точнее
гипсовые маски-выражения
эмоций
и чувств:
немое огорчение
немое порицание
в плотности чужих губ стыд мой

<...>

когда-нибудь сын
думая о матери не вспомнит имени
лишь выражение благодарности и покоя
последнего

прощания
прощения

«мама я болен...»

мама я болен
сегодня у меня выросли погоны —
такие грубые наросты с пробивающимися бородавками
и кажется
я – кажется – даже точно помню
и могу воссоздать ощущения —
без них мне было довольно неплохо:
– мне было комфортно
– мне было уютно
– даже к свисающим вдоль этого тела рукам: правой
и левой – я относился с одинаковым
безразличием
welcome to the club hunny
welcome to the club
я болен
мама – но что
делать
когда попросят выбрать форму?

Маленькое яблоко (письмо)

...и будто бы это Нью-Йорк, сморщившийся от ветра и сжатый горами,
подхваченный волной, втиснутый в центр континента —
нарушение пространства и времени. Моё Маленькое Яблоко —
средоточие Азии, европейски тошнотно терпимое
к религиям, бездомным, попрошайкам и поэтам.
Будто Маленький Гарлем, теснимый стеклянными
колоннами замка
доктора Зло – сияющими ракетами над Манхэттеном.
Осень —
здесь – пахнет морем. Тельняшки (драные), радость
(пьяная).
За обшарпанным домом [престарелых] рядом с галереей
искусств
играет джаз, и панки блюют смесью портвейна и яблок.
Жители Восточной и Западной стороны, сокрушённые
необходимостью
прошедшего времени, – гордо – приезжим: «Кандиль,
апорт... О-о-о, апорт...»
Жители Маленького Бродвея рассказывают, как

обманчив ландшафт.

Обитатели Маленького Бронкса чинят прохудившиеся
крыши, на чердаке
хрипит магнитофон: «Жизнь в полицейском
государстве».

Пока экспаты выгуливают соотечественников в горном
парке:

Маленькое Яблоко – на ладони, покрытое дымной
плесенью.

С крыши города не видно, как я прогуливаюсь
по скверу, как на меня смотрит бронзовый Махатма —
здрав подол сари, переступает невидимый ручей...

Цусима

старший лейтенант 18 отряда миноносцев третьей
эскадры

Японского соединённого флота

Хироши Миямура провожает майский морской закат

кажется: майский морской закат ещё никогда не был
таким

думает: возможно – уже не будет

вспоминает 1896 год: поход в кино – впервые
он увидел людей на простыне (ещё не познав простыней)
людей, выходящих с завода братьев Люмьер: в их лицах
читалась нынешняя война, читалась
кровь, что будет пролита в столице противника, читалась
кровь, что прольётся ещё
бессилие, бессмысленность и бесстрашие

послезавтра, когда Миямура

выживет – возможно – вернётся героем

в душном кинозале он будет
смотреть в лицо последнего рабочего, покинувшего
завод —

того, что испортил композицию, что вышел
без пиджака, велосипеда и – самое главное – без шляпы

как —

как он посмел?

Заговор против дулевейля (черновик революционной песни)

ой-ли так-ли дуй-ли вей-ли
а не всё ли равно ли?
век бросается на цели
а цели уходящие
а цели молятся
богородица уведи нас от борева
господи спаси нас от курева
отжени от нас ленина сталина путина
сотвори чудо чудное – покажи диво дивное

ой-ли бай-ли – не Абай ли
там – из тьмы первопечальной
и в тоске первопричинной
слова пыльные мёртвым веком
низложены рукой живой отринуты
господи проведи нас до чистого
а не до чистого так до памяти
до чистой и светлой памяти
до чужой и чистой и светлой памяти

ой-ли так-ли – не дурак ли?
да
дурак

а как по другому
никак ангел мой по другому

Китайская демократия

мы все ещё помним помним свободу
выражение свободы на лицах
ожидание свободы в глазах
тогда ещё не наших
странное греческое слово демократия
странная новая страна
в которой нет песен для нового быта

пятнадцать лет

Аксель

пятнадцать лет

сколько за эти пятнадцать лет выпито дурного бухла
в забегаловках спальных районов
сколько выпето твоих песен в заблёванных портовых
караоке
если бы ты подсчитал ты был бы горд собой

мы постепенно становится меньше

остаётся я и ты и он и она

ожидание свободы в глазах

уже в наших

выражение несвободы на лицах

уже не наших

смешные греческие корни

смешное казахское слово демократия

смешная новая страна
смешные новые песни для нового быта

пятнадцать лет

Аксель

пятнадцать лет

когда мне было пятнадцать лет

твои песни раздавались из всех динамиков

даже на радио маяк

(трёхканальный приёмник весна с электронными часами)

между wind of change и я хочу быть с тобой

наш переходный возраст заполнял эфир

мы постепенно становится меньше

мы почти исчезает

и когда кажется что ничего не остаётся

ни от свободы

ни от корней

ни от быта

ни от музыки

ни от демократии – это неправда

остаётся я

остаётся

моя далёкая французская свобода

мои далёкие русские корни

мой близкий казахский быт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.